

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Граница на замке

«ЭКСМО»

Зверев С. И.

Граница на замке / С. И. Зверев — «Эксмо», — (Спецназ ВДВ)

Майору ВДВ Андрею Лаврову по прозвищу Батяня приказано укрепить своим батальоном границу с непризнанной кавказской республикой, чтобы перекрыть поток контрабанды. Батяня неподкупен, и вскоре контрабандисты понимают, что с его приходом потеряли удобный транзитный канал. На границе стали происходить странные и жуткие события, а вскоре был безжалостно вырезан караул десантников. Батяня знает, кому выгодна прозрачность рубежа, но конкретный исполнитель кровавой акции ему неизвестен. Найти виновных и расправиться с ними – его святой долг...

© Зверев С. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Граница на замке

Глава 1

Горячими майскими днями в Краснодарском крае проходили масштабные учения на дивизионном уровне с участием разных родов войск, в том числе и пограничников. Каждая подобная акция, кроме поддержания общей готовности, имеет и главную цель, меняющуюся в каждом конкретном случае. Согласно поставленной командованием программе в ходе этих мероприятий отрабатывалась учебная ликвидация вооруженных групп, проникших с территории сопредельного государства. Последнее десятилетие для многих стран оказалось весьма, скажем так, популярным на такого рода «приходы нежданных гостей», так что ничего удивительного в данном случае не виделось – всегда важно быть наготове. Тем более что сейчас проверялось взаимодействие разных родов войск между собой, что тоже весьма немаловажно.

«Чтобы надежно защищать государство, необходимо добиться слаженных, эффективных действий всех силовых структур. Поэтому мы надеемся, что подобные учения станут традиционными», – было заявлено военным руководством.

На учения прибыли представители военной и гражданской прессы, а также вооруженных сил некоторых государств – не без оснований ожидалось, что здесь будет на что посмотреть. И действительно, разворачивающаяся масштабная картина могла впечатлить кого угодно. Учения проводились с размахом в лучшем смысле этого слова и были призваны продемонстрировать возможности современной Российской армии в сегодняшнем непростом мире.

Парашотно-десантный батальон майора Андрея Лаврова по прозвищу Батяня, выступавший на стороне условного противника, получил приказ – десантироваться в заданном районе, захватить находящийся в тылу дот и продержаться полчаса до прихода «своих». Загрузка десанта на самолеты военно-транспортной авиации планировалась в Рязани, и, чтобы переправить его в тыл условного противника, были задействованы три большегрузных самолета. Задача оказывалась весьма усложненной тем, что из десантников, участвующих в этом деле, была половина тех, кто совсем недавно начал службу. У многих имелось не более четырех прыжков.

– Да как же вообще такое возможно, майор? – нервно покуривая, искренне возмущался один из офицеров. – Где же это видано, чтобы «зеленых» бойцов десантировали в обстановке, приближенной к боевой. Это ж какой-то маразм!

– Что это – маразм, так я с тобой, Краснокутов, полностью согласен, – хмыкнул Батяня, – однако это не освобождает нас от выполнения приказа. Армия, как ты сам прекрасно знаешь, тем и отличается, что поставленный приказ должен быть выполнен. Правильно? А так что тут скажешь: обычная штука, присущая любым крупным учениям. Где накладок не бывает? Я уже узнавал по своим каналам: некоторые умники в штабе решили, что задача наша и так сверхлегкая, у нас просто прогулка на лоне природы, поэтому надо ее усложнить. И вот в результате те, кто должен был оставаться на земле и выполнять второстепенную задачу, теперь отправятся совсем в другое место.

– Ну, дела... – протянул собеседник.

– Ничего, разберемся, – похлопал его по плечу майор. – И не в таких переделках бывали.

Майор уповал на то, что и офицеры, и имеющиеся в батальоне «дембеля» в случае чего спасут положение. Десантироваться надлежало без техники и только с индивидуальным боекомплектom. Учения набирали обороты, и десанникам в них отводилось далеко не последнее место.

Глава 2

Моторы «Ил-76» с десантниками на борту гудели ровно и мощно. Самолет приближался к точке выброски, и вскоре пора было покидать чрево самолета и отправляться вниз на землю. Дело это для десантников обычное, этому их обучают, готовят, чтобы сделать их в определенном смысле людьми, не боящимися ничего. Вся проблема заключалась в том, что благодаря штабным умникам часть бойцов, находящихся в самолете, были еще «зелеными» солдатами, и не каждый из них преодолел страх высоты, так характерный для человека. Особенно, если у тебя на счету всего несколько прыжков.

Десантники ожидали сигнала. Как принято говорить, у десантных войск не бывает «учебных» тревог. Каждое такое испытание проходит в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке, каждый прыжок – фактически боевой.

«Выпускающим» был габаритный старший лейтенант с идеальной выправкой и суровым выражением лица. Идя вдоль вереницы сидевших в два ряда десантников, он обратил внимание на одного из солдат.

Рослый боец с отличными физическими данными был явно подавлен трудностями десантирования. Не надо было быть хорошим физиономистом, чтобы понять, что солдат боится покидать пусть и качающийся, но все же надежный борт воздушного транспортного средства. Рядовой Степченко действительно испытывал боязнь – его предыдущие прыжки можно было сосчитать по пальцам, причем одной руки. Короче говоря, сейчас его просто «замкнуло».

– Что ты трясешься? – уставился на него старлей.

– Н-не могу, товарищ старший лейтенант, – промямлил тот. – Не могу прыгать.

Можно было без труда определить, что парню стыдно за свое малодушие, он изо всех сил пытается настроиться на выполнение того, что от него ожидают, но страх оказывался сильнее. На лбу десантника, несмотря на прохладу и сильный ветер, выступили крупные капли пота, а сам он заметно побледнел.

– Чего? Ты на учениях или в институте благородных девиц? – рявкнул старлей. Из-за этих учений у него сорвался отпуск, поэтому он был особенно не в настроении. – Какого черта ты мне будешь здесь ваньку валять! Я с тобой еще на земле поговорю.

Офицер, схватив солдата за плечо, что было сил встряхнул его, пытаясь привести в чувство, однако мужчина постарше, в камуфляже, с командирским экстерьером остановил коллегу. В жесте майора красноречиво читалось: сам должен сделать прыжок! Если старлею было по большому счету наплевать на страхи подчиненного и в нем он сейчас видел лишь досадную мелочь, задерживающую процесс, то майор был человеком куда более опытным и воспринимал ситуацию несколько иначе.

– Ну, сынок... ты же мужчина! – отечески подбодрил командир рядового. – Не тушуйся. Все нормально!

Степченко глубоко вздохнул, глядя на своих товарищей, сидевших напротив. Многие боялись, но заклинило, похоже, его одного. Время было дорого, и задерживаться не приходилось. Он взглянул на стоявших рядом с ним офицеров, являвших собой типичный контраст: злобный старлей и «добрый» майор. Нет, Лаврова упрощенно сводить до уровня добряка нельзя было при всем желании, но в данном случае...

Рядовой, проглотив тугой комок, кивнул и попытался улыбнуться.

– Так точно, товарищ майор.

– Ну, вот и отлично, – заключил командир.

– Десантники, мать их! – раздраженно проворчал старлей. – Ну, вот как с такими остолопами выполнять боевую задачу? Да они ж завалят любое дело. Проще из детсада вояк набрать, и то больше пользы будет.

Всем своим видом офицер показывал свою непогрешимость и героизм.

– А ты себя вспомни, Щекочихин, – хмыкнул Батяня. – Неужто сам с пеленок с парашютом прыгать начал бесстрашно? И что, коленки у люка никогда не дрожали? Вот то-то...

– Да не в этом дело, товарищ майор, – попробовал возразить старлей.

– Не в этом? – делано удивился Лавров, отойдя с офицером чуть в сторону. – А в чем же? Ты уж меня, старика, просвети.

Сделав паузу, Батяня усмехнулся:

– Ты пойми, старлей, тут криком делу не поможешь. Никто сюсюкать тебя не призывает, но человеку нужно втолковать, что к чему, и от этого пользы куда больше будет.

Заревела сирена, перейдя с прерывистого на сплошной рев. Десантники, вскочив и двигаясь одной сплошной очередью, словно гигантская гусеница, один за другим исчезали в люке самолета, там, где внизу виднелась земля. Фигуры солдат камнем летели вниз, а следом за этим каждая из них скрывалась за взметнувшимся куполом парашюта. Вскоре казалось, что они заполнили все небо.

Пришедший в себя Степченко на этот раз не сплосховал, без приключений оттолкнувшись от борта. Распустившийся в безоблачной синеве цветок его парашюта свидетельствовал о том, что с первой частью поставленной на сегодня задачи десантник справился, пусть и не без помощи отцов-командиров. Небольшое, но досадное недоразумение было исправлено. Все произошло предельно быстро – всего за пару десятков секунд самолет опустел.

Оставшись на борту последним, Батяня тоже не стал медлить и, привычно глянув по сторонам, отправился следом за остальными. В отличие от большинства сегодняшних «прыгунов» этот процесс был для него отработан до автоматизма и представлялся чем-то совершенно естественным, вроде ходьбы.

* * *

Лавров, прыгнув последним, раскрыл парашют и теперь, медленно опускаясь вниз, наблюдал такую привычную и знакомую картину: ровное поле, на котором разворачивались сегодняшние учения. Невдалеке виднелись склоны гор, поросших лесом, над головой сияло голубое безоблачное небо, расцвеченное парашютными куполами. Майор знал, что в скором времени внизу все должно будет измениться и на пока спокойной земле начнут вспыхивать разряды пиротехники, вперед пойдут танки, заработает артиллерия. Подтягивая фал парашюта, Батяня медленно развернулся и обратил внимание на сильный боковой ветер.

«Совсем некстати он начался, – с раздражением подумал майор. – Теперь появятся новые проблемы».

Его опасения имели смысл: парашютистов сносило в сторону горного леса, отчего молодые могли растеряться. Тем более что их действия в воздухе вследствие их неопытности были весьма ограничены. Поток воздуха нес к лесу и самого Батяню, но он не трогал стропы.

«Пусть несет туда же, куда и бойцов, – решил он. – И так проблем достаточно с этими желторотыми, а если они еще окажутся одни, совсем хреново будет».

* * *

Полет с парашютом – это не такое уж простое дело, как думают многие. Некоторым, мало знакомым с этим процессом, кажется, что стоит выпрыгнуть из самолета, а там уж от тебя ничего не зависит, дальше ты должен только ожидать момента приземления. На самом деле это далеко не так. Управлять собой и парашютом, который несет тебя к земле, тоже надо уметь. Для этого необходимы и теоретические знания, и, конечно, опыт. Неправильное поведение во время десантирования чревато растяжением, а то и переломом ноги, да и приземлиться

можно в совсем нежелательном месте – например, в воде, на крыше дома и так далее. В данном случае с несколькими десантниками произошло нечто подобное, хоть и не в такой серьезной степени, – солдаты, прыгавшие последними, приземлялись уже в лесу.

Степченко, поборовший-таки страх прыжка, опускался вниз. Дух захватывало от тех впечатлений, которые были пока еще внове. Он радовался, как ребенок, глядя на бесчисленные купола, заполонившие воздух. Однако по мере приближения к земле солдат беспокойно озибался, глядя под ноги. Внизу виднелся лес, в который неумолимо летел десантник. Несколько парашютов уже опустились в лесу, но, что будет с ним самим, он мог только догадываться. Кроны деревьев неотвратимо приближались, и сделать он уже ничего не мог.

«Господи, пронеси!» – прошептал Степченко, инстинктивно зажмурившись и поджав ноги.

В следующие секунды десантник почувствовал, как падает сквозь ветки дерева, а следом за этим ощутил сильный толчок. Когда он открыл глаза, то увидел, что висит на стропах, не долетев до земли. Осмотревшись, солдат понял, что парашют запутался в ветвях и теперь он очутился в довольно-таки забавном положении. Хотя забавным это, должно быть, выглядело со стороны, а вот попасть в такую ситуацию – это как сказать.

Солдат испуганно озибался вокруг, совершенно сбитый с толку. Да, прыжок закончился хреново, но как еще освободиться из такой странной ловушки? Десантник попробовал как-то выкрутиться, но оказалось, что сделать это не так-то просто. Зацепившись за ветку, он висел на стропах, не имея никакой возможности схватиться за надежную ветку. Так хотя бы можно было подтянуться и влезть на опору. Однако единственное, до чего можно было добраться, – это была ветка совсем уж сомнительной толщины, да к тому же, похоже, сухая. Степченко с тоской вздохнул, проклиная все на свете.

Однако выбирать не приходилось, и надо было попробовать воспользоваться хотя бы такой хилой возможностью. После нескольких безуспешных попыток дотянуться до ветки Степченко решил действовать иначе. Он принялся раскачиваться вперед и назад, тем самым приближаясь к цели. В конце концов ему удалось ухватиться за ветку и вскарабкаться на нее. Обессиленный, тяжело дыша, солдат все-таки уцепился за сук и, подтянувшись на нем, закинул ногу, готовясь влезать. Но ему не везло и тут. С треском сухой сук подломился, и бедолага полетел бы вниз, если бы стропы не держали его. Степченко снова оказался в «фиксированном» полете. Окончательно деморализованный, он тупо повис на стропах, уже не понимая, что же теперь предпринять.

Остальным десантникам удалось более-менее удачно приземлиться. Батяня, покинув самолет последним, опускался в лес. Но в отличие от молодых десантников это был старый, закаленный в деле и опытный волк. Искусно управляя стропами, майор виртуозно приземлился неподалеку от Степченко на небольшую полянку. Оказавшись на земле, майор собрал парашют и осмотрелся. Усмехнувшись, он увидел болтающегося на огромном клене бойца. По расцарапанному виду рядового нетрудно было понять, что тому пришлось пролетать сквозь ветви и сучья.

Время было дорого, и особенно любоваться перепуганным десантником не стоило.

– Ну что, солдат, отдыхаем? – появился Лавров перед ним, глядя снизу вверх.

– Товарищ майор! – вздрогнул от неожиданности рядовой. – Вот... никак не могу освободиться, – показал он рукой на все то, что его окружало.

– Это я вижу. А головой подумать? – саркастично поинтересовался Лавров. – Ты же, по моему, десантник, или я ошибаюсь? Учили тебя отцы-командиры, вдабливали в голову науку полезную, но, как вижу, память у тебя отшибло начисто.

Впрочем, майор понимал, что у каждого второго, оказавшегося впервые в подобной ситуации, могло переключить мозги.

Позади слышались голоса. Майор обернулся. На поляну вышли два десантника, тоже опустившиеся неподалеку.

– Ну что, удачно приземлились? – Батяня осмотрел подчиненных.

С ними вроде бы все было в порядке в отличие от бедняги Степченко.

– Так точно, товарищ майор, – нестройно ответили бойцы. – О, и ты здесь? – расхохотались они, глядя на своего незадачливого товарища, с тоскливым видом болтавшегося в воздухе.

– Ну, долго ты еще висеть будешь? – Лавров уже проявлял вполне понятное нетерпение. – Быстро вниз!

– Разобьюсь, товарищ майор, – с опаской сказала «жертва прыжка», глядя вниз. Высота была довольно приличной, а нервное состояние еще больше усиливало впечатление «малодостижимой» земли.

– Слезай! – поддержали майора бойцы, столпившиеся под деревом. – Сколько ты еще косить будешь?! Ты нас еще в самолете достал. Долго мы будем из-за тебя время терять?

Ситуация складывалась и вправду малоприятная. Степченко, подбадриваемый крепкими словами и выражениями, сыпавшимися на него, наконец решился на героический поступок. Сжав стропорез, мало соображая, что делает, решил перерезать стропы.

– Ну, достал! Пристрелю, на хрен! – проревел Батяня, выхватывая пистолет. – Инструкцию забыл?! Думай! Вспоминай! – скомандовал он, напоминая о таких простых для десантника вещах.

– Чего? – Солдат, обалдело выпучив глаза, смотрел с высоты на командира, не понимая, к чему тот клонит.

– Распускай запаску и вылезай из подвесной!

Майор в данном случае имел в виду подвесную систему широких лямок, при помощи которых парашют крепится к телу.

– Держись! – крикнул он, видя, как солдат, сделав это, едва не полетел на землю.

В конце концов дело пошло на лад. Когда Степченко, словно по канату, спустился по стропам и куполу запаски, до земли оставалось метра два. Прыгнув, рядовой оказался на земле.

– Ну что, герой? – насмешливо хмыкнул Батяня. – Жив?

Лавров принялся собирать по рации всех тех, кто пока еще «не нашелся». Народ понемногу подтягивался на поляну. Особый смех вызвал еще один из бойцов, который не завис на дереве, но приземлился в глубокую лужу. С ног до головы вымазавшись в грязи, он представлял собой забавное зрелище.

– Слушай, Агашков, у тебя в роду, случайно, свиней не было? – поинтересовался кто-то из остряков. – Уж больно вы похожи. Вечерком в лесу встретишь – не отличишь.

– Нет, только бегемоты, – отшутился тот, и вправду напоминая какого-то лесного зверя, любящего грязевые купания.

Батяня тем временем определялся по карте с их местоположением, поскольку никакого леса по плану здесь не должно было быть. Как он и подозревал, их выбросили не в том квадрате, в котором планировалось.

– М-да, – пробормотал он под нос, глядя, как потешаются десантники еще над одним, угодившим в болото. – Накладки могут случиться всегда, даже во время таких ответственных учений. Но боевую задачу по этой причине никто не отменял.

* * *

– Ну что же, бойцы, будем действовать, – обратился Батяня к своим орлам. – Задача перед нами стоит конкретная, и времени расслаиваться у нас нет.

Сказать это, конечно, было легче, чем реализовать. Оказавшись в совершенно ином, чем это было запланировано, месте выброски, да еще и на своих двоих... Но ничего другого не

оставалось. Десантники двинулись через густой лес. Минут через пятнадцать ходьбы впереди послышался какой-то шум. Дав знак остановиться, майор прислушался. По лесной дороге двигались машины, похоже, не больше двух. Решив действовать немедленно, майор с бойцами, выйдя к дороге, залег и стал наблюдать.

– Кто бы это мог быть? – рассуждал рослый десантник.

– А вот сейчас увидишь, – хмыкнул его товарищ. – Уж точно в качестве такси для нас машины не рассчитаны.

Батяня бросил суровый взгляд на расшалившихся не в меру подчиненных, и те мгновенно замолкли.

Вскоре из-за поворота показалась небольшая автоколонна, состоявшая из военного «УАЗа» и грузовика снабжения пограничников. Упускать такой момент было грешно.

«Будем проявлять инициативу», – решил Лавров. Перекинувшись несколькими фразами с теми из своих бойцов, кто был опытным десантником, он приступил к работе. Его подчиненные мгновенно развернули активную деятельность. Подобные ситуации при подготовке десантников рассматриваются как немаловажная часть их действий в сложной обстановке военного времени.

За несколько секунд поперек узкой лесной дороги был положен ствол подгнившего дерева, надежно перегоротивший путь. Появившиеся вскоре машины, как и ожидалось, остановились перед преградой. Из «УАЗа» вылез офицер. Он с недовольным видом подошел к стволу дерева, пнул его ногой и призвал солдат заняться решением проблемы. Несколько погранцов из грузовика принялись, пытая, оттаскивать так некстати упавшее дерево в сторону. В этот момент из кустов, словно горох из мешка, посыпались десантники. Понятно, что против спецназа, да еще и совсем неожиданно появившегося, у тех, кого застали врасплох, не было никаких шансов.

Среди захваченных «в плен» военных в «УАЗе» оказался и моложавый, хлыщеватого вида полковник. Попадание в такую ситуацию, кроме ошеломленности, вызвало у него еще и приступ ярости.

– Что вы себе позволяете?! – кричал он истошным голосом. – Да вы знаете, кто я такой? Я полковник Авдеев из штаба округа. Немедленно отпустите нас!

Полковник, очевидно, надеялся, что на этом «недоразумение» окончится. Однако вопреки ожиданиям информация совсем не впечатлила майора, командовавшего захватом. Батяне некогда было разбираться, кто противник, а кто случайно подвернулся под руку. Надо было выполнять поставленную задачу.

– На землю! – прозвучала команда. Несмотря на сопротивление, «вражеские» военные были связаны, тем более что материал для этого – веревки – так кстати нашелся в грузовике.

– Уберите руки! – заливался соловьем полковник. – Ты мне, майор, за это самоуправство ответишь! Я тебе устрою веселую жизнь, уж будь уверен.

Следом за этим он, кипя от злости, со всего размаху ударил по щеке десантника, державшего его. Тот, покачнувшись, устоял на ногах и оглянулся на майора.

Лавров кивнул головой, и никак не желавшего примириться с реальностью штабника толчком приклада в спину рядовой Васин отправил на землю. Поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, Авдеев несколько притих. Впрочем, у него на лице четко читалось, что обид полковник не прощает. Батяню, правда, это интересовало меньше всего. Важным было то, что теперь у его группы имелся транспорт, а это являлось выходом из сложившейся ситуации. Из-за выброски не в том месте у них катастрофически не хватало времени. Удачный момент важен сам по себе, но не менее важно этот самый шанс еще и использовать. Дальнейшее происходило быстро и слаженно: связанных оставили в лесу, а десантники заняли места в грузовике.

Батяня направился к «УАЗу», вертя на пальце ключи, экспроприированные у водителя, «отдыхавшего» на траве в числе прочих своих товарищей. Машины рванули вперед, направляясь к заданной позиции.

Лавров вел машину, поглядывая на местность, мало соответствующую той, которая должна была оказаться в точке выброски. Ухабистая и неровная лесная дорога утопала в глубоких лужах, оставленных прошедшим вчера ливнем. Остановившись на опушке, Батяня сориентировался по карте. Направление было выбрано правильно.

* * *

Майор, присев на бетонный бортик, устало закурил. Дело было сделано: десантники уложились в заданное время. Подразделение Лаврова с ходу захватило дот, пожертвовав захваченным «УАЗом» – разбив его вдребезги. Дот оборонялся «общевойсковыми», которых для ВДВ нейтрализовать не составляло особой проблемы. Одно дело – солдаты, пускай и хорошие, несущие службу в обычном режиме, а совсем другое – десантники, одной из основных задач которых и является диверсионная деятельность на территории противника.

Захватив вражескую точку, десантники заняли оборону, дожидаясь прибытия своих. Связавшись по рации, Лавров получил информацию о том, что помощь появится в самое ближайшее время. Теперь можно было ненадолго расслабиться.

Да, денек сегодня выдался горячим. Впрочем, Лаврову было не привыкать к накладкам, случайностям или просто непростым ситуациям. Из этого и состояла жизнь офицера-десантника. Ведь десантура для того и создана, чтобы решать сложные, подчас почти не выполнимые проблемы там, где другим это не под силу.

– Ну, что, Степченко, – обратился он к солдату, неплохо проявившему себя при захвате вражеского дота, – освоился?

– Так точно! – Помолчав, боец боязливо взглянул на Батяню, вспоминая произошедшее при высадке: – Товарищ майор, а вы бы меня действительно пристрелили?

– Тебя – нет, – усмехнулся Лавров. – Не хватало, чтобы я еще собственных солдат расстреливал. А пилота, который не в том квадрате нас выбросил, – не исключаю, – на лицо майора набежала тень. – Не говоря уже о тех, кто кинул неопытных бойцов в бой...

Степченко несколько успокоился. Сегодня и для него был еще тот денечек! От всего пережитого кружилась голова.

– Так, Соловьев, – обратился Батяня к радисту, – передай координаты погранцов и полковника, которых мы в лесу оставили.

Глава 3

Учения проходили в напряженном ритме, как это и полагается подобным мероприятиям, связанным с так похожими на войну действиями. Об их ходе постоянно поступали сообщения на КП, где находились командир дивизии, в которой служил Батяня, инспектор из Министерства обороны, контролеры, посредники, несколько штабных офицеров. В общем, компания собралась разношерстная, но весьма активная. И каждый из них имел самое непосредственное отношение к учениям: кто-то участвовал, кто-то наблюдал, а кто-то контролировал. Среди них присутствовал и тот самый недавно взятый в «плен» полковник Авдеев.

Глядя на хлыщеватого вида полковника, нетрудно было понять, что карьеру он ковал, как говорится, «на паркете». Повсюду находится масса таких субъектов, для которых военная служба – это карабкаться вверх по карьерной лестнице. Все остальное в лучшем случае им кажется ненужным ребячеством. И у них все обычно идет гладко: и чины они получают раньше других, и место службы не сравнить с остальными в смысле выигрышности, и вообще жизнь движется, словно по расписанию никогда не опаздывающего поезда.

То, что случилось совсем недавно, Авдеева заставило сильно понервничать. Все шло так хорошо, пока этот чертов майор не устроил засаду на дороге. При воспоминании о небольшом, но неприятном инциденте полковник поморщился. Возмнили о себе неизвестно что! Он шевельнул плечом, которое довольно ощутимо ныло. Да, этот десантник здорово приложился тогда прикладом! И ведь он же тогда объяснил им, кто он такой – нет, не захотели и слушать.

После того, как полковник вспомнил Лаврова, на его лице появилась мстительная ухмылка. Ну, ничего, еще не вечер, и он привык, чтобы последнее слово оставалось за ним.

Разговор продолжался. Руководил здесь седоватый, полный генерал. Стоя у карты, он рассматривал одну из фаз учений, комментируя последние действия сторон. Кроме значимых событий, точных и не очень выполнений нормативов, как это обычно и бывает, случались и мелкие «трагикомедии». Один из грузовиков водитель ухитрился загнать прямо в реку. Мало того, что машина, так нужная в определенное время и в определенном месте, была выведена из строя, так еще уничтожена целая куча полезного снаряжения. К тому же, как оказалось, незадачливый водитель не умел плавать, так что ему крупно повезло, что его успели вытащить из воды.

– Разрешите войти, товарищ командир? – в дверях появился Батяня. Взоры присутствующих переместились на новоприбывшего офицера.

Приведя себя в порядок, майор выглядел, как обычно, – собранным и готовым к дальнейшим действиям. Настроение у него тоже было неплохим. Выполненная операция свидетельствовала о том, что, несмотря на те непредвиденные трудности и накладки, которые сопровождали его боевую группу, своей цели они достигли.

– Входите, майор, – официально обратился к нему комдив.

Дальнейшие несколько минут были посвящены докладу о прошедшей операции. Батяня четко и толково изложил всю информацию по данной проблеме, ответил на вопросы. В принципе, присутствующим было понятно – задача выполнена, подразделение уложилось в срок.

Правда, не все было так гладко. Очень быстро выяснилось, что кое-кто настроен не так позитивно. Естественно, это касалось полковника Авдеева, у которого при появлении Батяни на губах появилась какая-то змеиная улыбка. Помимо всего прочего два офицера являли собой пример, так сказать, совершенно разных биологических видов. Один из них – это честный служака до мозга костей, готовый и способный выполнить любую задачу, поставленную Родиной. Как говорят про таких – «на них вся Россия держится». Война или мирное время, а они знают свою задачу. Второй – штабной шаркун, готовый переступить через кого хочешь, если он мешает продвинуться дальше, на новую «шахматную клетку». Таких персонажей, к сожа-

лению, всегда было немало. Свое презрение и недовольство полковник демонстрировал перед всеми.

– Почему своевольничаете, майор? Почему захватили «УАЗ»? – вопрошал он брызгливым голосом. – Кто дал вам право действовать, как заглагорассудится? Может, вам никакие законы не писаны, может, вы сами решаете, что и как вам делать, определяете себе свою собственную задачу? Наверное, вам и взаимодействие ни с кем не нужно? Ну, естественно: зачем нам еще кто-то, когда присутствуют такие герои, способные в одиночку остановить армию противника. Я вообще не понимаю, – оглянулся он на присутствующих, – у нас армия или партизанские отряды, а?

Сегодня Авдеев был на взводе. «Пострадавший» решил по полной программе отыграться на том, кто выставил его в таком маловыгодном свете. Он уже успел навести кое-какие справки о майоре Лаврове, и надо сказать, что сведения привели его в еще большую ярость.

– Да-да, поясните, майор, – поддержал Авдеева сухопарый подполковник.

– Пожалуйста, – Батяня спокойно продемонстрировал собравшимся планшетку с картой. – Прошу обратить внимание: нас должны были выбросить там, где нет никакого леса, а выбросили в семи километрах юго-западнее, – говорил он, указывая на отличия реальной ситуации от запланированной. – Так что нужно было действовать, исходя из сложившейся ситуации. Захват машин для ВДВ – вполне разумно, надо было уложиться в норматив, на войне еще и не то случается.

Комдив кашлянул, решив, что пришло время вмешаться.

– Майор Лавров совершенно прав. В данной ситуации его действия заслуживают одобрения. Он поступил правильно. Не нахожу здесь причин для претензий к нему. Да на войне за такое орден дают! – импульсивно хлопнул он ладонью по столу.

– Ну, допустим, – скептически ухмыльнулся полковник, отнюдь не желая уступать, – хотя если так рассуждать, то давайте взрывать мосты, пускать под откос поезда. Вот пример майора идеально соответствует тактике. Как, например, быть с машиной? Она же восстановлению не подлежит! Ведь это же додуматься только – таранить автомобилем дот! Давайте все громить, ломать, крушить – Родина богатая, все стерпит! – снова взвился Авдеев. – Его боец меня лицом в землю уложил. Прикладом старшего по званию ударил! Это уже не учения, а действия какой-то банды. Да-да, именно банды!

– Спасибо за такую лестную характеристику, товарищ полковник. А по-вашему, было бы лучше не выполнить задание? – отпарировал Батяня. – Все согласно уставу. Внештатная ситуация. А насчет «мордой в землю» – это мой приказ. Не надо было на него руку поднимать. Солдат четко выполнял поставленную ему командованием задачу. Так что – сами понимаете.

– Да что же это такое?! – кинулся в амбицию Авдеев. – Казенное имущество, выходит, для вас ничего не значит. Да такие, как вы, обворовываете армию!

– Ну, это вы, товарищ полковник... – начал было комдив, но окончить фразу не успел. Авдеев, похоже, решил во что бы то ни стало довести до конца свое «наступление».

– Я, конечно, не в прямом смысле, хотя мне неизвестно, чем некоторые занимаются, – с жаром, брызгая слюной, заявил обиженный и оскорбленный офицер, – я сейчас о другом. Из-за таких, как вы, майор, у нас и происходят немыслимые расходы. А мы потом удивляемся и руками разводим: ах, как же это так, куда ушли такие средства? Почему, дескать, те средства, которые государство отпускает на армию, снова словно сквозь землю проваливаются и исчезают с невероятной скоростью.

Глядя на оратора, можно было подумать, что тот душой болеет за армию, принимает близко к сердцу все ее радости и невзгоды.

– Я бы вас попросил, полковник, – напомнил Лавров.

Батяня внешне выглядел спокойным, и только по перекатывающимся на скулах желвакам можно было догадаться о том, что сейчас творится у него в душе. «Ишь, как тебя понесло, –

с прищуром смотрел на этого холеного барина Лавров. – Так недолго и до апоплексического удара».

– Да вы, майор, как я погляжу, даже и представления не имеете о том, что такое субординация, – махнул рукой полковник, все больше накаляясь. – Ничего удивительного, что подчиненные ведут себя таким образом, если их командир уподобляется неизвестно кому.

Присутствующие притихли, с интересом глядя на красного как рак Авдеева, обвиняющего ни в чем не повинного майора чуть ли не во всех смертных грехах. По всему чувствовалось, что тому не «за державу обидно», а Батяня просто подпортил местным военным «картинку», то есть условный противник имел больший успех, чем предполагалось.

– Во внеслужебной ситуации я готов развить эту тему, – наконец не выдержал Батяня.

Всему есть какие-то границы, и майора уже «достал» этот полковник, явно нарывавшийся на грубость. К сожалению или к счастью, воинская служба имеет свои, часто гораздо более жесткие, чем еще где-то, рамки, и субординация здесь тоже более развита. Так что Батяня при всем своем желании не мог высказать полковнику все, что о нем думает.

– Что?! Вы еще будете здесь хамить? Кру-гом! – побагровев уже до опасных для здоровья пределов, скомандовал Авдеев.

«Вот ведь урод», – подумал, поворачиваясь и уходя, Батяня.

Полковник глядел в спину майору, покидавшему КП, будто желая прожечь его насквозь. Разговор уже принял другое направление, а он все еще думал о Лаврове. Судя по выражению лица Авдеева, он замыслил какую-то гадость.

– А теперь перейдем к следующему вопросу...

Глава 4

Все и всегда имеет свой финал, в том числе и те мероприятия, которые с размахом разворачивались на территории военного округа. Спустя сутки основная фаза учений была закончена. Сворачивалось все то, что было задействовано в таком масштабном мероприятии. Подразделения вернулись на место дислокации, боевая техника заняла свои гаражи и парки. Теперь, как обычно, предстоял окончательный разбор того, что было выполнено в ходе учений. Каждый ответственный должен был получить все, что в данном случае причиталось, – предстояла раздача благодарностей и неполных служебных соответствий. Впрочем, сворачивалось не все – некоторым подразделениям после перерыва еще предстояло продолжить учения.

Как и бывает, одна из сторон, выполнив свою задачу, осталась в выигрыше, вторая, само собой, – проиграла. Журналисты, наши и западные, обзавелись отличными картинками для новостей и отбыли восвояси. Ну, а сами участники, особенно те, кто оказался на «победившей» стороне, тоже могли немного расслабиться после предпринятых на благо Родины усилий.

Военными было арендовано открытое кафе в горной местности для того, чтобы отметить завершившееся мероприятие и, собравшись в своем кругу, в спокойной, неформальной обстановке посидеть, поговорить о том о сем. Место было превосходным – вокруг высились невероятно красивые горы, покрытые лесами. Среди этого великолепия стояла кафешка. Новый владелец недавно провел капитальный ремонт, и теперь обновленная кафешка распахнула двери перед посетителями – старыми и новыми. Сидя за столиками, можно было любоваться невероятной красотой этой роскошной и одновременно суровой природы. В этот день здесь проходило «спецобслуживание» – за столиками сидели только офицеры, участвовавшие в учениях.

Неспешная беседа касалась прошедших событий. Обсуждение проделанной работы проходило под негромкую музыку и блюда кавказской кухни. На нескольких мангалах жарились шашлыки, запекалась рыба, готовились другие не менее вкусные блюда. Большинство офицеров были практически трезвыми, тем более что вечер только начался. Высоких чинов в кафе не наблюдалось – офицеры находились в званиях от лейтенанта до майора, так что особенно напрягаться не приходилось. Все были, как говорится, свои.

– Ну, что, по-моему, все прошло неплохо, – сказал веснушчатый старлей, отправляя в рот сочный кусок мяса. – Во всяком случае, мы свою задачу выполнили.

– Чего не скажешь о противнике, – поддержал его собеседник. – Обошли мы их на все сто, и тут уж, как говорится, комментарии излишни. Оборона прорвана, и успех был закреплен. А они там, наверху, пускай разбираются, кому дырочки колоть под новые звездочки.

– Ну, нам-то с тобой они пока не грозят! Во всяком случае, в ближайшее время.

– Такова уж военная фортуна: кто-то закрепляет успех, а кто-то вынужден признать поражение, – философски заключил офицер. – Главное, чтобы поменьше пришлось выполнять таких операций в реальности.

Говорившему было прекрасно известно, что такое эта самая реальность. Он уже успел применить на практике свои познания: для этого на Северном Кавказе уже более десяти лет существовало слишком много возможностей.

Взоры офицеров переместились на миловидную буфетчицу, которая обращала на себя внимание отличной фигурой, грациозными движениями и приятной улыбкой. Даже вытирая столик и убирая пустые бокалы, она ухитрялась делать это изящно и непринужденно.

– Хороша! – мечтательно протянул старлей, глядя на столь привлекательную и аппетитную красотку.

– Все они такие, пока обручальное кольцо на палец не надели, – отозвался офицер, сидевший рядом. – Это тебе, молодому да неженатому, так кажется. Ничего, захомутает тебя такая, потом вспоминать вольную жизнь будешь, как сказочный сон.

Капитан прищурился, вспоминая собственную молодость, наполненную гулянками, быстротечными и долгоиграющими романами, встречами, расставаниями и прочим. Ему показалось, что это было не с ним, поскольку так контрастировало с будничной семейной жизнью, ссорами, примирениями, малыми и большими бытовыми проблемами. А ведь, кажется, так недавно это было...

Его товарищ, хоть и представлял в теории, что после венца жизнь может повернуться несколько иной стороной, однако же пока не особенно об этом задумывался. Молодость играла в голове, словно пузырьки шампанского, дразня и раззадоривая. Он проводил взглядом буфетчицу, улыбнувшуюся ему в ответ, и, не выдержав, поднявшись с кресла, подошел к ней.

– Прошу прощения, но у меня такое впечатление, что мы с вами недавно где-то виделись, – произнес офицер сакраментальную в таких случаях фразу.

– Вряд ли, – ответила буфетчица, наливая заказанный кофе. – Я бы вас запомнила.

– Неужели все так плохо? – усмехнулся шутник.

– Да нет, просто вы на моего двоюродного брата похожи.

Далее разговор завязался и покатился по соответствующим рельсам, и вскоре девушка уже весело смеялась, слушая, как новый знакомый рассказывает ей какой-то смешной случай из жизни десантников.

– Вы со всеми так знакомитесь? – игриво прищурилась буфетчица.

– Ну что вы, только с вами! Не воспримите мои слова как лесть, но ваши глаза насквозь прожгли мое сердце! – проникновенно и пылко произнес старлей.

Вечер был отличным. Да и как могло быть иначе, если все были своими, офицерами, которые уже не один пуд соли съели вместе? Военное братство – это не пустые слова, и оно закаляет и сплавливает людей так, что водой не разольешь. Тем более что многим из присутствующих довелось побывать в горячих точках, где они на деле продемонстрировали и свою военную выучку, и мужество. Об этом красноречиво свидетельствовали и награды, полученные ими отнюдь не в штабных коридорах. Военные разбились на небольшие группы, и в каждой из них разговор шел о своем: кто об учениях, кто о предстоящем отпуске, да мало ли найдется тем? В общем, вечер был – то, что надо.

У входа остановилась машина, но не армейский грузовик или «УАЗ». Машина, судя по номерам и внешнему виду, принадлежала кому-то из местных. В автомобиле находились двое. Водитель остался сидеть за рулем, а второй грузно выбрался из машины. Он слегка покачивался, и было件нятно, что товарищ уже успел «принять на грудь». Этим субъектом в подпитии был не кто иной, как полковник Авдеев.

Он приехал сюда отнюдь не для того, чтобы вместе с какими-то там старлеями и капитанами отпраздновать окончание учений. Совсем нет – ему-то, высокому штабному чину, со строевыми офицерами выпивать было запаadlo. Он просто заехал сюда «проконтролировать». Своей властью полковник гордился и дорожил. Как известно, на обладании властью прекрасно проверяются люди. Будь у человека хоть небольшой изъян в этом смысле, получи он возможность влиять не только на свою судьбу, и все – через небольшой срок такого уже не узнать.

Войдя в кафе, Авдеев со своим показательно строгим видом сразу же создал некоторый дискомфорт. Нельзя сказать, что его появление кого-то обрадовало.

– Глянь на этого кадра, – вполголоса сказал офицер своему соседу. – Многих я на своем веку видел, но этот – редкое чмо.

– При его возможностях он может себе это позволить, – заметил тот.

Зная полковника, офицеры приутихли. Он, с брезгливым выражением лица оглядевшись по сторонам и не найдя, к чему придраться, двинулся к барной стойке. Как это часто бывает на людях, идущий «в градусе» старался держаться прямо, но это не очень-то удавалось.

– И вести себя по-человечески не умеет. Даже то, что выпил, нужно скрыть, чтобы самому потом кого-то заловить.

– Одно слово: контролер, – офицеры за столиком негромко хихикнули, стараясь не обращать на себя внимания.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулся бармен. – Что будете заказывать? У нас обширный выбор напитков на любой вкус.

За спиной работника прилавка действительно выился на редкость разнообразный ассортимент напитков, способный удовлетворить самые капризные пожелания клиентуры. Прекрасная кухня, богатый ассортимент, великолепные виды и вежливое обслуживание – все эти составляющие успеха здесь имелись, что и привлекало посетителей.

– Коньяку, – высокомерным тоном бросил Авдеев. – Надеюсь, хороший коньяк у вас тоже имеется?

– Безусловно.

Полковник уселся на высокий табурет у стойки. Достав сигареты, он закурил, подвинув поближе пепельницу.

– Ваш коньяк, – через несколько секунд бармен-виртуоз поставил перед ним бокал. – Еще что-нибудь?

– Нет, пока ничего, – отрицательно качнул головой штабной чин.

Сидя у стойки, он неторопливо потягивал коньяк, периодически бросая взгляды по сторонам, туда, где сидела, по его выражению, «всякая мелюзга». Он, штабной чин, считал их пешками, теми, кто выполняет черную работу в отличие от него, человека мыслящего. Одно его присутствие привело к тому, что в воздухе повисла напряженность.

– Еще, – кивнул полковник бармену на пустую посуду.

Над стойкой работал телевизор. Ведущий новостной телепередачи сообщал о последних событиях, случившихся в нашем беспокойном мире. Полковник периодически поднимал голову, глядя на экран.

– ... ситуация в непризнанной кавказской республике продолжает накаляться, – сообщила «говорящая голова», – российские миротворцы, призванные развести враждующие стороны, ежедневно подвергаются нападениям из-за реки, служащей природной границей. Противная сторона сознательно нагнетает напряженность, провоцируя конфликты: похоже, стремление в НАТО кем-то хорошо оплачивается. Странно, однако, что для того, чтобы стать членом этой организации, нужно ссориться со своими ближайшими соседями. Цветной про-американский режим, видимо, уже не считается ни с какими международными нормами, надеясь, что его покровители сделают все, чтобы защитить разгулявшуюся кавердинскую демократию.

Полковник взглянул на экран.

– О вчерашнем трагическом инциденте сообщит наш специальный корреспондент Максим Горячев.

– Не далее, как вчера, двое наших миротворцев были зверски убиты, – вел дальше рассказ появившийся на экране спецкор.

Стоя с микрофоном на фоне круто вздымавшихся позади гор, он поведал леденящие душу подробности об оторванных гениталиях, разможенных головах и прочих деталях этого чудовищного убийства. Офицеры замолчали, прислушиваясь к подробностям кровавого происшествия.

В тот момент, когда камера показывала само место преступления, к стойке подошел Батяня. Майор был практически трезв и пришел не «догнаться» – просто у него закончились сигареты. Естественно, он видел сидящего у стойки «веселого штабиста», но не стал обращать на того никакого внимания. Портить так хорошо начавшийся вечер Лаврову не хотелось. Помня поговорку, что не стоит трогать то, что издает неприятный запах, Батяня посчитал за лучшее не заметить штабиста в упор.

Авдеев нетрезво прищурился, злобно глядя на майора. Пальцы выбивали на поверхности стойки дробь.

– Ему не наливать, – металлическим голосом приказал он бармену.

Батяня недоуменно покосился на сидевшего слева Авдеева.

– Вы пьяны и своим видом дискредитируете облик российского офицера, – заявил тот без длинных пауз майору. – Выйдите из помещения. Немедленно.

Майор начинал чувствовать, что так хорошо начавшийся вечер переходит в совершенно другую фазу. Крутнувшись на барном кресле, полковник уставился на Батяню мутноватыми глазами:

– Я что, непонятно объясняю? – во взгляде читалась ненависть. – Из-за таких, как ты, майор...

Дальнейшие слова полковника, произнесенные им с пеной у рта, были полны каких-то фантастических, путаных обвинений и хамских фраз. Ничего нового, естественно, Авдеев сказать не мог, и Батяня прекрасно это понимал. Как и то, что из-за успеха десантников Лаврова на учениях оказалось, что войска в округе не способны противостоять мобильным группам «противника», проникшим из-за границы.

Полковник был в плохом настроении, поскольку провал был камнем в его огород. Теперь он, обладавший отличным нюхом на подковерную борьбу, чувствовал, что благодаря вот этому досадному недоразумению его прежде весьма успешная карьера тормознется. Поэтому всю свою неприязнь он вложил в хамский разнос майора Лаврова.

Батяня слушал, как штабной пытается «построить» младшего по званию. Лицо десантника словно окаменело, и на щеках заходили желваки. За спиной нависло тяжелое молчание – сидевшие там офицеры, естественно, были обозлены таким хамством, однако тоже молчали. Батяня тем не менее всеми силами старался избежать надвигающегося скандала. Ему-то он, особенно сейчас, совсем не был нужен.

– Пачку «Кэмел», пожалуйста, – негромко сказал он бармену, кладя денежную купюру на стойку.

Тот кивнул, спеша выполнить заказ, однако на этом «развитие сюжета» не окончилось.

– Я сказал, ему не наливать! – не расслышав в подвыпившем состоянии, что именно произнес Батяня, взорвался окончательно рассвирепевший полковник. Махнув рукой, разгоряченный штабист смахнул деньги со стойки на пол.

Бармен-кавказец, как человек соответствующей профессии, на своем веку навидался многого. Ему не стоило долго объяснять, чем обычно заканчиваются подобные конфликты и чем это чревато для его заведения.

– Не надо ссориться! – широко улыбаясь, проговорил он.

Желая всеми силами погасить быстро развивающийся конфликт, кавказец мигом выбежал из-за стойки. Став между двумя офицерами, бармен наклонился, чтобы поднять купюру, но полковник вскочил со стула.

– Отойди, – он отстранил услужливого бармена и наступил на деньги.

– Вам следует извиниться и поднять деньги самому, – холодно сказал Батяня.

Он уже с немалым трудом сдерживался, чтобы не сделать что-нибудь этакое.

– Перед кем? Перед ним, перед тобой? – взвился Авдеев. – Да я тебя в порошок сотру!

Хмель ударил ему в голову. Вне себя полковник схватил Батяню за лацкан мундира и что было сил толкнул майора. Вокруг прокатился глухой шум. Да, это уже выходило за все мыслимые рамки. Авдеев, конечно, был известен как в высшей степени неприятный человек, но то, что происходило, уж совсем в голове не укладывалось.

Бармен тоскливо вздохнул. Ничего поделать он уже не мог, и ему теперь оставалось лишь надеяться, что все окончится более-менее нормально. Два года назад какие-то «ребята» в его заведении столкнулись с еще более серьезными посетителями, в результате чего его заведение

надолго закрылось на ремонт, сам хозяин проходил свидетелем по громкому делу. С тех пор бармен стал гораздо более пугливым человеком. Так что он, как и все остальные, глядел на полковника, пытавшегося повалить Батяню.

– Ты у меня поговоришь! – кричал Авдеев. – Запомни, я...

Неожиданно Батяня коротким хуком в челюсть отправил штабиста в нокдаун. В этом искусстве Лавров тоже являлся признанным авторитетом, однако полковник, видимо, уже не отдавал себе никакого отчета, ослепленный злобой, что и сослужило ему плохую службу. Окончательно теряя равновесие, он полетел спиной на ближайший столик. Приземлившись на край, полковник успешно перевернул все на пол. Звон посуды и голоса офицеров свидетельствовали о том, что первый раунд борьбы окончился неудачно для того, кто ее начал.

Стоя на четвереньках, полковник представлял собой очень забавное зрелище. Форма была залита вином, а физиономию «украшал» салат. Бессмысленно мотая головой, Авдеев поднялся с пола. Офицеры расступились, полагая, что продолжение последует незамедлительно.

– А теперь дай мне сдачи, если ты мужчина! – презрительно бросил Батяня.

«Пострадавший» огляделся по сторонам. На лицах офицеров не отражалось ни тени сочувствия.

– Так что же, полковник?

Вдруг Авдеев, не издавая ни звука, бросился к выходу. Офицеры свистом и улюлюканьем проводили сбежавшего штабника. Тот, выскочив на улицу, в мгновение ока вскочил в машину, благо, она все еще стояла в ожидании его. Что он сказал водителю – неизвестно, но только привезший его местный житель медлить не стал и рванул с места, да так, что дым пошел из-под протекторов.

– Молодец, майор!

– Вот это я понимаю – уважил!

– За всех нас приложился, – зазвучали голоса в поддержку майора. Офицеры, подходя, пожимали ему руку.

Порядок вскоре был наведен расторопными работниками кафе, и вечер продолжился. Недавний инцидент разрядил обстановку. Снова зазвучали голоса, смех и шутки. Но веселье не было долгим: через каких-то полчаса у входа остановилась военная машина. Вышедший из нее патруль, войдя в кафе, осмотревшись, решительно направился к столику, за которым сидела компания с Батяней во главе.

– Майор Лавров? – спросил больше для приличия новоприбывший капитан, глядя в упор на десантника.

– Он самый, – уже все понял Батяня.

– Прошу вас проехать с нами, – тон начальника патруля свидетельствовал о том, что полковник уже успел поработать над тем, чтобы история так быстро вышла наружу.

– А в чем дело? – Лавров выглядел совершенно невозмутимым.

– Я думаю, вам известно, товарищ майор, – последовал лаконичный ответ. – Только что произошедший инцидент, в результате которого избит полковник.

– Избит? – усмехнулся Лавров. – И что, может, он в реанимации?

– Давайте разбираться в этом не здесь и не сейчас. Прошу вас, – настаивал чернявый капитан с большим носом, стараясь не замечать иронии и смешков офицеров вокруг.

Естественно, Батяня не стал спорить и отдал себя в руки патруля.

– Все нормально, – успокаивающе махнул он рукой товарищам, обеспокоенно глядевшим на эту сцену и готовым прийти на помощь. – Отдыхайте без меня.

Патруль вместе с задержанным направился к выходу. Батяня шел спокойно, как человек, уверенный в своей правоте. Офицеры проводили его взглядами. Хлопнули дверцы, и «УАЗ» выехал со стоянки, увозя Батяню. Воцарилось молчание, нарушаемое лишь работающим телевизором.

– Да что же это такое? – возмутился капитан Гранин. – Где же справедливость? Если так дело пойдет, никакой правды не отыщешь.

– Нет, надо что-то делать! – поддержал его майор. – Пока мы тут будем развлекаться, невинных людей арестовывают.

Застолье зашумело. Все были ошарашены тем, как боевого офицера, защитившего честь мундира, да еще во внеслужебной обстановке, вот так просто взяли и увезли.

Бармен, протирая бокалы за стойкой, вслушивался в разговоры возбужденных посетителей. Странно получается – каждый вечер он встречает здесь людей. У каждого из них свои проблемы, а все это валится в случае чего на него. Ну, допустим, сегодня все обошлось еще более-менее нормально, пострадала сервировка всего одного стола. А чаще подобные инциденты заканчиваются гораздо хуже. Вот как, скажем, было в прошлую пятницу: тоже ведь собрались люди, сидели, выпивали, закусывали, разговор вели. Настроение хорошее, вечер приятный... А все окончилось тем, что спокойное застолье перетекло в пьяную драку с поножовщиной и битьем стекол. Нет, что ни говори, нервная работа у бармена!

Глава 5

Спустя несколько дней Батяня стоял на крыльце гарнизонного ДК, находящегося в той части, где на время учений расквартировалось подразделение. Лавров попыхивал сигаретой, выглядя внешне, как всегда, спокойно. Не все, однако, обстояло так гладко, как этого хотелось бы. Он тяжело вздохнул и покачал головой. Просто наваждение какое-то!

Командировка Батяни, едва начавшаяся, теперь осложнилась до предела. Последние события, связанные со ссорой с полковником, развивались в новый сюжет. Пострадавший штабист после своего бегства из ресторана осветил все в малоприятном для Батяни ключе: этот хлыщ решил рассчитаться с неуживчивым майором по полной программе. То, как он представил случившееся, вполне могло бы стать частью сценария для успешного боевика. По его словам, выходило, что в ресторане на замечание вести себя достойно пьяный майор сразу же полез в амбицию: затеял драку, избил его, то есть полковника, и если бы не вынужденное отступление бравого офицера, не желавшего ужасной развязки, то неизвестно, чем бы все это закончилось.

Здесь, в ДК, сейчас проходил суд офицерской чести. Разбор уже, собственно говоря, окончился, дело было всесторонне рассмотрено и взвешено, и теперь оставалось только ждать результатов, того решения, которое вынесут по делу майора Андрея Лаврова.

Моральные традиции в офицерском корпусе Российской армии издавна играли важнейшую роль. Воспитанные на понятиях чести, офицеры берегли честь мундира, честь полка, свою личную честь. Впервые в России суды чести были учреждены еще в середине девятнадцатого века. В «Положении о судах чести офицеров» говорилось: «для охранения достоинства военной службы офицеры, замеченные в неодобрительном поведении или поступках, хотя не подлежащих действию уголовных законов, но не совместных с понятиями о воинской чести и доблести офицерского звания или изобличающих в офицере отсутствие правил нравственности и благородства, подвергаются суду офицерского общества. Суду этому представляется также разбор случающихся между офицерами ссор». «Правилами о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» были узаконены дуэли именно для того, чтобы поднять уровень понятий о чести. В основном они и проводились по решению судов чести.

Сама возможность поплатиться жизнью за нанесение офицеру оскорбления играла огромную роль в деле поддержания чувства собственного достоинства и уважения его в других. Право и возможность поединка, как дела чести, укрепляли воинский дух, храбрость, способствовали очищению офицерского корпуса от негодных элементов и холопского сознания, прислуживания тем, кто относился к офицерам по принципу «Я вас в бараний рог согну!».

В девятнадцатом веке за эти оскорбляющие слова, произнесенные на смотре полка, капитан Норов – боевой офицер, кавалер многих наград за храбрость – потребовал сатисфакции у великого князя Николая Павловича, будущего царя. Дуэль, естественно, не состоялась, но иллюстрацию того, чем были понятия офицерской чести и достоинства в России, это дает... Времена изменились. Сегодня армия и ее офицерский корпус живут в новой исторической обстановке, но суд офицерской чести жив.

Лавров курил, стоя на крыльце. Под козырьком входа он был защищен от палящего южного солнца. По сторонам можно было особо и не смотреть, поскольку ничего нового здесь не увидишь при всем желании. Вокруг раскинулась территория типичной воинской части, каких повидать ему довелось сотни – от Кушки до Новой Земли и от Калининграда до острова Кунашир. Аккуратные параллельно-перпендикулярные дорожки расчерчивали пространство. Столовая, казарма, огромные картонные щиты с эмблемами и лозунгами...

Все, что оставалось теперь, так это ждать решения. Батяня был уверен в своей правоте, тем более что «чудовищное избиение» проходило на глазах сослуживцев, но особо приятных

ощущений в душе, конечно же, не было. Кому может быть весело, когда разбирается твое дело, да еще с обвинениями противной стороны в «дебоше», «пьянке», «неподчинении» и прочем?

На втором этаже ДК слышались звуки репетиции оркестра. Музыканты разучивали какой-то новый марш. За закрытым окном звенели трубы, глухо ухал барабан, отбивая такт мелодии, под которую вскоре должны будут маршировать роты в парадном построении. Музыкантам служба если не казалась медом, то уж, во всяком случае, ее нельзя было сравнить с теми, кто тянул солдатскую ляжку по полной программе.

Из дверей казармы, расположенной по диагонали от клуба, вышли двое солдат. Они несли огромный фанерный щит. Лавров, усмехнувшись, проводил взглядом комичную пару. Один из них, как в известном испанском романе, был высокий и худой, а второй – толстый и маленький. Эти «Дон Кихот» и «Санчо Панса» подошли к металлической конструкции, стоявшей на скрещении двух дорожек, и принялись устанавливать щит с наглядной агитацией. На фанерном квадрате изображался российский солдат с автоматом, принимающий воинскую присягу. Справа красовался и текст присяги. Вдоль дорожки до самого штаба стояли штук двадцать таких щитов, каждый из которых освещал жизнь и деятельность Российской армии.

На этом наблюдения Батяни были окончены, поскольку на лестнице послышались шаги и голоса, а следом за этим из дверей клуба повалили офицеры.

– Ну что, майор, я тебе так скажу: классный ты мужик! – хлопнул его по плечу подполковник Сомов. – Побольше бы таких, так мы живо всех уродов на место поставим!

Появившийся следом долговязый капитан молча солидарно пожал руку.

Батяня с благодарностью воспринимал слова товарищей, старавшихся подбодрить его. Всегда приятно убедиться, что конкретный человек является именно человеком, а не крысой.

– О чем речь, Лавров! А как же могло быть иначе!

– Ничего, держись! Все перемелется! – каждый из офицеров счел своим долгом выказать свое отношение к делу, причем оказалось, что все они были на его стороне.

Последним из дверей ДК вышел командир дивизии. Стоя рядом, он шумно, отдуваясь, словно после пробежки, дышал. Батяня взглянул в лицо командиру, но тот пока находился в раздумье и не спешил высказываться. Лавров тоже не торопил его с комментариями и выводами.

– Дай закурить, – помолчав, сказал он майору.

Лавров достал сигарету из пачки и протянул командиру. Некоторое время два офицера молча дымили, глядя, как по направлению к столовой движется рота. В раскаленном воздухе четко слышались в такт шагу слова песни:

Мужчиной стал он в армии:
Смелый взгляд, руки сильные.
С бесстрашным взглядом прыгал он
Решительно в бездну синюю.

Солдаты входили в одноэтажное здание столовой.

– Да, заварилась каша. Давненько такого не случалось... Ну, что, майор, я тебе так скажу: ты еще хорошо отделался. Могли в лучшем случае на гражданку отправить, а то и срок в перспективе дать, – наконец заговорил комдив.

Докурив сигарету и не найдя, куда бросить окурок, он рассерженно прищелкнул языком, кинул окурок на землю и раздавил ногой.

– Ну, я им устрою – урну не могут поставить... Однако все офицеры за тебя вступились, написали петицию. Все, кроме Шекочихина.

– А он был против? – задал вопрос Батяня.

– Нет, не против. Воздержался, – пояснил комдив. – Такое единодушие на сегодняшний день нечасто встретишь. Естественно, тебе сильно повезло, что все случившееся видели столько человек. Свидетели в кафе подтвердили твою правоту, тем более что старший по званию первым полез в драку. Тут все, как говорится, было на ладони, так что от реальных вещей не уйдешь. Да и Авдеев был пьян. Да ты погоди! – махнул рукой комдив, видя, что Батяня собирается что-то сказать. – То, что он был «под мухой», тебя, конечно же, не оправдывает, но несколько смягчает твою участь.

– Вот как, – иронически заметил Лавров. – Уже разговоры об участии пошли. Мне как – последнее желание дадут высказать или так к стенке поставят?

Сарказма у Батяни за последние дни накопилось достаточно.

– Все шутишь? Юмор висельника? – покачал головой начдив. – А вот мне не до шуток.

– А что мне остается? Только шутить.

– Ну да, ну да... Короче говоря, все эти детали тебя спасают. К тому же у тебя – блестящий послужной список, правительственные награды, благодарность Главкома в приказе и так далее. Есть такое? Вот именно. Так что, опуская всякое-разное, решено – ходатайствовать о неполном служебном. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит? – прищурился комдив.

– Не маленький, понимаю, – отозвался майор.

– Вот именно. Это тебе «звонок». Еще один залет – и выгонят из армии. Но я это тебе, естественно, говорю не для того, чтобы пострадать. Ты не лейтенант желторотый, чтобы я тебе прописные истины расписывал. Эй, эй, вы что ж делаете? – замахал он руками на двух солдат, устанавливавших очередной фанерный щит.

Те испуганно оглянулись.

– Не видите, что криво ставите?! – кричал комдив, отводя душу. – Какие вы художники, черт вас побери, если не умеете картину ровно повесить? Выше левый край! Еще выше. Вот так. Командир дивизии должен за вас работу выполнять?

Художники, «взбодренные» комдивом, поспешили сделать все максимально ровно.

– Да, за каждым нужен глаз да глаз. Если сам все не проверишь, не увидишь – такого наворотят...

– Конечно, – кивнул Батяня, ожидая продолжения темы «о главном».

– Так вот, Лавров, послушай теперь меня внимательно, – комдив перешел на доверительный шепот.

Батяню он ценил и как офицера, и как человека, поэтому сегодня тоже приложил немало усилий, чтобы все закончилось в пользу майора. Но о своем личном участии комдив сообщать не стал.

– Я думаю, ты сам понимаешь, что без потерь в таком деле не обойтись. Так что пришлось кое-чем и пожертвовать. Тебя и твоих бойцов на пару месяцев оставляют здесь. Передают в оперативное подчинение. Иначе бы я не смог тебя отстоять...

– А задача какая? – поинтересовался Лавров, понимая, что ему вряд ли придется спокойно сидеть здесь положенный срок.

– Задача следующая, – пригладил волосы комдив, – граница с непризнанной республикой Артви, проходящая здесь совсем рядом, естественно, существует, зафиксирована, но она не полноценная, открытая для контрабанды. Обустраивать границу по полной программе не позволяет политическая ситуация.

– А что ж так?

– Ну, это не наш уровень. Все ведь решается там, наверху. Политики говорят, мол, не затем мы им российские паспорта давали. Ты же знаешь, как события здесь разворачивались: дескать, стоило ли огород городить, идти на такие шаги, нести огромные затраты, демонстрировать конкретную позицию, чтобы затем идти на попятный? А теперь, когда ввоз кавердинских вин в Россию запрещен, контрабанда хлынула потоком – перегоняют из Каверды в Артви

вино и продают в Россию под видом артвинского. Все просто, и на каждый замок находится соответствующий ключик.

– Законы создаются для того, чтобы их обходить? – иронично сказал майор.

– Что-то вроде того. Но теперь уже и непризнанная республика свою квоту выбрала. А спиртное гонят и гонят. Это же золотая дорога получается. Здесь столько всего закручено... Но если бы это было только вино! – покачал головой комдив. – Этим дело не ограничивается. Просачиваются и вооруженные группировки.

– А что же те, кто этим должен заниматься, – спят, что ли?

– Со стороны моря, по железной дороге и шоссе все перекрыли, – пояснил комдив. – Но большие деньги есть большие деньги...

– Это же не дело военных. Есть пограничники, МВД... – пожал плечами Батяня. – Каждый должен заниматься своей спецификой.

– Все это понятно. Но тут вот какое дело: есть огромная дыра – заброшенный полигон, расположенный на самой границе. Хотя по бумагам он все еще числится в действующих. Местную милицию ставить там бесполезно: коррупция страшная, и все куплено. Ходить по золотому дну и не поднять с него что-то – далеко не каждый выдержит такое искушение. Вот и решили повесить ответственность на военных. Мол, полигон ваш, вы и охраняйте, просто наглухо перекройте все въезды со стороны границы. От воинской части при полигоне осталось совсем ничего, некомплектная рота, ею все дырки не закроешь. К тому же происходят странные вещи...

При этих словах Батяня насторожился.

– Что же там – привидения завелись? Призраки появляются?

– Да нет, и без мистики проблем хватает. На отдаленный пост совершено дерзкое нападение, солдат убили, – задумчиво пояснил комдив. – Артвинские спецслужбы утверждают, что это диверсанты из Каверды. Возможно, так оно и есть. Дошло до того, что срочники отказались идти в караул.

– Впечатляет, – покачал головой майор. – Так-таки отказались?

– Именно так. А что ты хочешь – кому интересно своей жизнью рисковать? Вот и надавили на меня, – перешел к конкретике комдив, – решили на время усилить, а практически заменить твоими бойцами общевойсковую часть. Разобраться с проблемой, так сказать. Пришлось согласиться. Такой вот компромисс... Вообще, хочу сказать, что ситуация вокруг непризнанной республики накаляется. Тот мир, который установился там, бывшую метрополию, Каверду, не устраивает, да и никак не может удовлетворить по определению. Естественно, она никак не может согласиться на потерю такого лакомого куска, как Артви. По последним данным, вот вот может и война начаться, как в начале девяностых. Хотят нас с артвинцами поссорить.

– На войне, как на войне, – философски заключил Батяня, – служба у нас такая.

– Это еще не все, – предостерег комдив. – Имеется для тебя один сюрприз. Знаешь, кто будет твоим непосредственным командиром?

– Неужели?... – покачав головой, усмехнулся Батяня.

– Да, майор. Авдеев. Это ему тоже типа в наказание, – «порадовал» Лаврова командир.

Глава 6

После тяжелой и кровопролитной войны, стоившей жизни тысячам людей и подорванной экономики, в крае воцарилось хрупкое равновесие. Республике Артви хоть и не удалось добиться официального признания от мирового сообщества и своих ближайших соседей де-юре, то хотя бы в некоторой степени удалось сделать это де-факто. Точка зрения на этот вопрос резко отличалась у двух сторон конфликта. Бывшая метрополия Каверда считала, что ни о какой самостоятельности не может быть и речи. Там были твердо уверены в том, что все это – явление временное и о какой бы то ни было законности правительства республики говорить не приходится. Но после неудачной для Каверды войны, когда небольшая по площади республика наголову разбила войска бывшего центра и очистила от них свою территорию, о решении конфликта военным путем надолго можно было забыть. Так что теперь подобные рассуждения перешли в плоскость дипломатическую, пропагандистскую и информационную.

Республика тоже была уверена, но только в своей правоте. Дорвавшись до независимости, полученной в результате тяжелых испытаний, огромных материальных утрат и многочисленных людских жертв, отказываться от нее Артви, естественно, не собиралась. Таким образом, баланс был установлен. Впрочем, равновесие это недаром часто называлось хрупким, поскольку что-либо гарантировать в таких условиях было невозможно. Республика считала себя теперь самостоятельной, однако Каверда придерживалась совершенно другого мнения, считая, что эта проблема – всего лишь временное досадное недоразумение. Политики не находили общего языка, военные желали воевать, а мирные люди мечтали о спокойной жизни – все, как всегда и происходит в этом мире.

Главным достижением этой спорной ситуации при всей ее сложности было то, что окончилась сама война, уносившая столько людских жизней, не разбирая, где молодой, старик, женщина или ребенок. Каким бы он ни был – это мир, и этим все сказано.

Великолепная природа края, ласковое теплое море словно бы сами удивлялись тому, что на этой земле, где всем хватит места, происходит столько несчастий и невзгод в последнее время. Удивлялись тому, что люди, еще совсем недавно жившие бок о бок в близком соседстве, не задумываясь о том, кто из них какой веры, национальности, подняли оружие друг на друга. Разоренная в войну местность постепенно возвращалась к жизни. Люди прилагали все усилия к тому, чтобы поднять страну не только в своих глазах, но и в глазах соседей, всех тех, кто мог бы стать здесь желанным гостем.

Местность неподалеку от границы с Россией представляла собой живописный ландшафт. Впрочем, чего-чего, а живописности здесь повсюду хватало с избытком. На горе почти правильной геометрической формы высился особняк. С первого взгляда на него любому становилось понятно, что живет здесь человек очень небедный. Два этажа с мансардами, огромный двор с хозяйственными постройками, высокий каменный забор делал этот дом целой крепостью. Вообще, дом на Кавказе – это паспорт хозяина. По нему сразу же можно определить, какое место в жизни занимает его владелец. Традиция, складывавшаяся на протяжении многих столетий, оставалась практически неизменной. Среди основных позиций, которые должны были демонстрировать успешность, состоятельность мужчины, были жена, дом и конь. Времена менялись, однако все оставалось почти таким же. Вот только коня сменила машина. А важность дома – как и прежде. В данном случае было нетрудно догадаться, что его владелец занимал в обществе явно не последнее место. Толстые стены, большие окна, высокая крыша из красной черепицы, выроставшая из-за высокой каменной стены, выглядели внушительно и солидно.

Во дворе, выложенном дорогой плиткой, бродили два огромных черных дога, придавая дому респектабельность. Высокие ступеньки вели в «крепость», где в зале первого этажа собра-

лось около десятка мужчин. Среди этих холеных персонажей, явно не работающих на пыльных работах, были и кавердинцы, и артвинцы, и русские. Там, где есть бизнес – легальный или криминальный, там, где есть деньги, причем большие, национальная вражда обычно отходит на второй план, поскольку на первый выходят гораздо более важные вещи, ради которых можно забыть о таких мелочах.

В данном случае всех связывал бизнес, как раз тот, который находится под обозначением «криминальный». Если говорить проще, то все присутствующие были тем или иным образом завязаны на контрабанде. Близость границы делала этот, с позволения сказать, бизнес самым выгодным.

Артвинцев в этой интернациональной компании представляли двое. Одним из них был военный атташе непризнанной республики в России. Об этой должности следует сказать особо. Естественно, Артви не могла при всем желании иметь в России официального военного атташе, так как по международным нормам страны просто-напросто не существовало. Однако военный, исполняющий подобную функцию, действовал в своей должности, причем весьма успешно. Высокого роста, черноволосый, с тонкими усиками, под которыми витала неуловимая усмешка, – в Романа Карда чувствовалась неумная энергия.

Вторым уроженцем солнечного края был глава управления спецслужб в приграничном с Россией районе – Алхан Харс. Сегодня он был особенно активным в разговорах и обсуждениях.

Все смешалось в этом мире... В данном случае известные слова относились к тому, чем стало сегодняшнее собрание. Публика здесь поистине собралась «разнокалиберная»: можно было наблюдать и представителей власти всех трех соседних государств, и тех, кто владел «заметной» недвижимостью, и просто тех, у кого с законом всегда были трения. Поскольку последних было большинство, то сегодняшнее собрание напоминало скорей криминальную сходку.

Криминал криминалом, однако ситуации от этого менее серьезными не становились, скорее, даже наоборот. Сегодня у «авторитетов» на повестке дня стояло несколько вопросов, требующих немедленных действий. Первым из них была контрабанда вина. Торговые эмбарго на вино бывшей метрополии оказались очень на руку сепаратистам. То, что в других условиях повлекло бы и для них неминуемые убытки и проблемы, сейчас стало грандиозным источником обогащения. Дельцы подпольного бизнеса чувствовали себя здесь как рыба в воде. Они за бесценку скупали вино у кавердинских бизнесменов. Естественно, никакая война не могла помешать ни тем, ни другим делать деньги. И взаимопонимание у них было близким к идеальному. Технология была проста, но очень действенна: приобретенное вино разливалось по бутылкам, на них лепились этикетки «болгарского» или «украинского», и этот продукт продавался через оптовиков в Россию.

Вторым пунктом стала продажа чачи – очень крепкого виноградного спирта. Конечно, не была обойдена вниманием контрабанда поддельных сигарет из Турции. Много времени заняло обсуждение приближающегося мандаринового сезона. Семь десятилетий республика была одним из главных производителей этих фруктов в Советском Союзе. Прошедшая война сильно нарушила этот взаимовыгодный для обеих сторон процесс. Много садов погибло, но, несмотря на все потери и разрушения, и на сегодня республика могла конкурировать с кем угодно в этом деле. Предметом разговора стало и «пятое», и «шестое»... Все сферы криминального бизнеса были поделены, так что ничего из того, что могло бы принести прибыль, не осталось за сферой интересов этих предприимчивых и деловитых людей. В общем, тем сегодня было поднято много. Но это было еще не все.

– Теперь еще об одном, – низким голосом сказал атташе. – На горных дорогах усиливается контроль.

– А что, кому-то засвербело в заднице? – прищелкнул языком заросший черной бородой с проседью «коммерсант».

– Да, можно сказать и так.

– Ну, вопросы с таможенной и погранцами всегда решались положительно, – сверкнул в улыбке золотыми зубами собеседник, – повсюду работают живые люди. Каждому надо как-то жить, кормить семью и так далее. Что, разве не так?

– В Москве посчитали, что граница недостаточно прикрыта, вдобавок пограничники и таможенники морально разложились, и там начальство сменили, – не отвечая на вопрос, продолжил излагать информацию Карда, – а вдобавок поставили для усиления подразделение ВДВ на последнем «проходимом» участке – заброшенном полигоне.

– А я-то думал, виной всему эскалация напряженности и серия зверских убийств! – проронил с конца стола ухмыляющийся Алхан Харс.

– Ситуация такая: если кому-то непонятно, то я объясню популярно. Так что послушайте меня внимательно. Знаете такую поговорку: чем хуже – тем лучше? Ну, так вот – любая эскалация выгодна нашему непризнанному режиму. Чем больше накаляются отношения между Москвой и столицей бывшей метрополии, тем увереннее чувствует себя местная власть.

– Это ты в Москве понял?

– Да, в Москве. Я там вообще много чего понял, поэтому рассказываю всем вам, что к чему. Россия для нас, особенно сегодня, – это все. Это и союзник, заинтересованный в нас, это и деньги, и многое другое. Одним словом, десять в одном, – говорил атташе. – За спиной у русских всегда можно спокойно обделывать свои дела – прикроют. Москва «своих» не сдает.

– Так ты говоришь, что в ближайшее время все будет перекрыто? – спросил один из «элиты», что-то прикидывая.

– Не в ближайшее, а уже со вчерашнего дня граница на замке.

– Да, веселые новости, – задумчиво произнес тот. – Ну, так надо что-то придумать. Мы же не можем жить с перекрытым кислородом.

– Вот и придумай! – повысил голос Карда. – Я же вам это говорю не для того, чтобы услышать переживания и увидеть слезы от трудной и беспросветной жизни. Давайте решать.

Последующие несколько минут прошли в бурных обсуждениях того, что следует принять в сложившейся ситуации.

– Надо будет новоприбывших десантников уболтать, – вынес резюме Харс, останавливая дальнейшие рассуждения.

Он удобно расположился в мягком кресле и потягивал коньяк.

– Если есть проблема, то будем ее решать. Знаю я русских прекрасно, и их вкусы мне тоже известны, – пренебрежительно махнул он рукой. – Что любят русские? Баню, водку и баб. Ну, еще деньги.

– А кто же их не любит? – оскалился сидевший напротив человек со шрамом на щеке.

По внешности этого «делового человека» было прекрасно видно, что в своей жизни он успел испытать многое, в том числе и жизнь за решеткой.

– Покажите мне такого человека, и я скажу, что он либо полный идиот, либо делает вид.

Присутствующие расхохотались.

– Ладно, смеяться будем потом. Я о десанниках: если людей ставят на такое место – естественно, у них будет желание использовать свою должность. Артурчик, организуй! – Харс кивнул на полного мужчину лет сорока, вытиравшего платком шею.

Артур Даратол владел одним из крутых пансионатов и тоже был «в доле».

– Это все? – спросил тот. – Я-то сделаю. Это не проблема, но подействует ли?

– Подействует, – заверил Харс. – А потом мы их «замажем», и тогда им придется на все закрывать глаза.

– А если не купятся? – послышался голос сидевшего у окна.

– Задействуем объект номер тринадцать, – прозвучала загадочная фраза из уст Харса.

– Отлично! За этот вариант я не беспокоюсь, – хмыкнул Даратол.

– Ну, вот видите, – довольно потер руки атташе, – если напрячься, то ведь придумаете.

Основные вопросы были решены, и теперь можно было немного расслабиться. Голоса зазвучали громче, а в бокалы полились дорогие напитки.

Глава 7

– Редкий бардак! – Батяня отшвырнул ногой гнилую доску, лежащую поперек дорожки, последний раз асфальтировавшейся при царе Горохе. Картина полной неприглядности и запустения царила повсюду.

С момента разговора Лаврова и командира дивизии прошло очень немного времени, а подразделение майора уже прибыло на границу, в определенную ему воинскую часть. Она располагалась в предгорьях у самого заброшенного полигона. Наступал вечер, и заходящее солнце стояло над горами огромным багровым яблоком. Для десантников уже освободили казарму. Батяня с офицерами осматривал территорию. Наблюдения отнюдь не были утешительными.

– И как они тут служат? – покачал головой Лавров. – Я понимаю, что раньше здесь личного состава было в десять раз больше и полигон действовал, но это, конечно, из рук вон плохо. Хотелось бы мне взглянуть на последнего командира этой части.

Впрочем, Лавров понимал, что ничего интересного в этом случае для себя он бы не увидел. В армии, как и на гражданке, можно увидеть все: и честных, исполнительных, болеющих душой за свое дело людей, и просто пофигистов – все, как и везде.

– У нас в десантуре такого по определению быть не может, товарищ майор! – поражался Щекочихин. – Это, как говорится, не наш метод.

– Надеюсь, – лаконично изрек Батяня. – Вот с завтрашнего утра нам и предстоит сделать эту территорию соответствующей нашему батальону. Чтобы, так сказать, в реальности убедиться в правоте ваших слов. Так что готовься, старлей, к напряженной и ответственной работе.

Щекочихин почесал затылок, прикидывая объем будущей работы. Да, отдыхать, несмотря на выходной день, явно не удастся. Теперь приходилось засучить рукава и без остатка отдаться работе.

Часть, в которой служил Батяня, была во многом образцовой. Причем это понятие относилось и к качеству боевых и учебных задач, выполнять которые приходилось десантникам, и к тому, как эта самая часть выглядела. Те же принципы майор Лавров привык переносить и на временные места дислокации подразделения, справедливо рассуждая, что порядок человек может наладить повсюду, если он имеется у него самого внутри.

* * *

Назавтра старший лейтенант Щекочихин давал почти те же указания своим подчиненным.

– Значит, так, Семенов, – распоряжался старлей, – задача твоим людям ставится следующая – привести все в божеский вид.

– Это как, товарищ старший лейтенант? – ухмыльнулся шутник Семенов. – Как в раю или как в аду? Тут ведь могут быть два варианта.

– Все шутишь... Энергии, значит, хоть отбавляй, – покачал головой Щекочихин, – вот вы ее и используйте на благо родного подразделения, вы же не хотите жить, как свиньи. Так что – вперед и с песней. Территория должна полностью «соответствовать». Ты пойми, Семенов, по тому, как мы себя ведем, все и делают выводы о нашей части. Как говорил в свое время незабвенный вождь: «Наши цели ясны, задачи определены – за работу, товарищи!»

От теории все вошло в практическое русло – через полчаса работа закипела. Десантники взялись за дело серьезно. Запущенная казарма чистилась, скреблась и драилась если не до зеркального блеска, то до состояния, максимально к нему приближенного. На складе нашлась

краска, с помощью которой стены стали приобретать нормальный вид. Снаружи тоже работы хватало: начиная от дорожек и заканчивая починкой протекавшей крыши. Постепенно вид части начинал меняться.

* * *

– Слушай дальше, – давал Щекочихину указания Батяня, – следующие тебе задачи. Устанавливаем системы безопасности и восстанавливаем телефонную связь с постами на полигоне. А что ты думал? Чем быстрее все сделаем, тем быстрее отдохнем. Да, и еще: надо заняться установкой на территории щитов с эмблемами ВДВ.

– А где же я?..

– Материалы есть, краска – тоже, – пояснил комбат.

– А кто же рисовать будет? – пожал плечами старлей.

– Что же, художников у нас не имеется? Да хотя бы Сомова взять. Послушай, старлей, я что, должен тебе каждую мелочь объяснять?

* * *

Работа – работой, а служба – службой. Эту поговорку Батяня всю свою сознательную жизнь претворял в действие. Вот и сейчас на огневом стрельбище проходила стрельба боевыми.

Отстрелявшиеся солдаты поднялись с матов, лежа на которых они посылали пули в мишени, и их место заняла новая смена.

– Огонь! – раздалась команда.

Как и практически всё, стрельбище у предшественников было доведено, что называется, «до ручки». Оно поросло высокой травой и молодыми деревьями.

– Ничего, начало положено, – одобрительно отозвался Батяня, наблюдая слаженные и четкие действия десантников. – А стрельбище – срочно же почистить. Траву – выкосить, деревья – срубить.

– Да где же я косы возьму?! На складе их нет, – сокрушался капитан, которому было поручено стрельбище.

– Значит, неправильно ты с их старшиной разговаривал, – заметил майор. – Ну, что ж, помогу тебе решить этот вопрос. Косы у тебя будут.

К делу Батяня подошел основательно. Несмотря на то, что долго они здесь оставаться не собирались, Лавров справедливо считал, что независимо от времени пребывания его бойцы должны непрерывно совершенствоваться.

«Главное – это практика! – любил говаривать комбат. За день усилиями подчиненных были оборудованы полоса препятствий и масса прочих необходимых и полезных в поддержании физической формы приспособлений. Не была обойдена вниманием и тема главных для десантника тренировок – прыжков с парашютом.

– А потребуются ли они здесь? – скептически обронил старлей. – По-моему, не стоит и огород городить.

– Прыжки потребуются, – решительно заявил Батяня, – без этого нельзя. Я уже договорился, позднее обсудим это. Десантник должен прыгать всегда и везде.

* * *

Подразделение, ритмично стуча сапогами, шагало по дорожке. Да, нечего сказать, вид у бойцов Батяни был бравый. Десант есть десант, и он всегда выгодно отличался от прочих родов войск. Подтянутые, молодцеватые солдаты подтверждали звание армейской элиты в полном смысле этого слова.

– Запе-вай! – раздалась команда.

Тем, кто знает нашу службу
Не по сказкам, а в натуре,
Кто на деле верит в дружбу —
Тот и ныне в десантуре!

Лавров удовлетворенно глядел на бойцов, на уже частично преобразенную территорию и вспоминал слова своего первого наставника:

– Где бы ты, парень, ни оказался, должен помнить одно: сделай так, чтобы всем стало понятно: ты российский десантник, и этим все сказано! Сделай так, чтобы все рядом с тобой смотрелось классно.

Жизнь, одним словом, налаживалась. Идя по территории, Лавров с видом хозяина осматривал все вокруг. От его зоркого взгляда не ускользало ничего. Впрочем, так оно и должно быть: командир части и есть хозяин на своей территории, и только от него зависит, будет ли она расхлябанной и разболтанной либо станет образцом в полном смысле этого слова. С «внешними» работами, в принципе, все было ясно. Батяня двинулся в казарму, где уже готовился к «вводу в эксплуатацию» кабинет самого командира.

Майора Лаврова при всем желании никак нельзя было назвать кабинетным работником. Безусловно, каждому – свое. Некоторые профессионалы кабинетного дела на своем поприще способны достигнуть впечатляющего успеха, в этом надо отдать им должное – у каждого своя специфика. Батяня же представлял собой разительный контраст с такими персонажами. Однако кабинет должен был соответствовать. Майору в этом плане много не надо – главное, чтобы было чисто, аккуратно, имелись телефон, стол и шкаф.

– Пойдет, – оценил работу подчиненных комбат, – неплохо поработали, ребята. Что у вас следующее?

– Комната отдыха, товарищ майор, – ответил один из бойцов.

– Ну, что ж, занимайтесь, сынки.

Отдыхать было некогда...

Часть на глазах обживалась, из полумертвой, брошенной превращаясь в нормальное местопребывание российских солдат. Особое внимание было обращено на ворота: на них уже успели нарисовать эмблему ВДВ, а на КПП разместился наряд. Все должно было быть по правилам, так оно и происходило. И очень кстати: у ворот появился роскошный «мерс» Артура Даратола. Машина сигнализировала долгими гудками.

– И чего гудеть? – лениво произнес сержант, глядевший в окно. – Какого черта им тут надо? Шлятуются всякие...

И в самом деле: просто наглость. Не успеешь расположиться на посту, как следует осмотреться, а уже гости непрошенные заявляются. Ну, ни минуты покоя!

– Чья машина? – поинтересовался сидевший далеко от окна дневальный.

– Штатская. Иди, глянь, какая красавица.

Десантник подошел к окну.

– Да, неплохо, очень неплохо. Я бы не отказался домой на такой вернуться! – прозвучал его положительный отзыв.

Солдат мечтательно прищурился, представляя себе недостижимую картину, как он, бра- вый дембель, восседая за рулем шикарной машины, при полном параде прибывает в родные края. Эффект превзошел бы все мыслимые и немыслимые ожидания...

– Ты смотри, чтобы вообще пришлось вернуться. А то я тут уже несколько историй слы- шал по поводу этих мест. Невеселые, скажу я тебе, Серега, разговоры! – «утешил» его сержант.

– Меньше слушай всякие рассказы! Если бы я прислушивался к тому, что вокруг рас- сказывают, то давно в психушку отправился бы. А ты вечно уши развесишь, а потом начина- ешь чушь нести.

– Какая уж тут чушь? Ты же сам с Байкала? – пряча усмешку, спросил товарищ.

– Ну и что?

– Так тебе и машины не надо. Лодку надувную купишь и поплывешь. А то еще лучше – велосипед. Ха-ха-ха! – закатился веселым смехом сослуживец. – А дальше все девчонки твои, можешь не сомневаться.

Беззлобно подшучивавшие друг над другом, эти два солдата были полной противополож- ностью один другому. Один – высокий, чернявый, с тонкими чертами смуглого лица, родом из казачьей станицы на Дону. Второй – здоровенный, плечистый сибиряк. При небольшом росте и могучей фигуре он казался почти квадратным и внушительным. Однако какое-то наивное, почти детское выражение лица выдавало в нем весельчака и любителя пошутить.

Тем временем приехавший на машине тщетно надеялся проникнуть на территорию части, пронзительными сигналами будоража воздух.

– Я смотрю, он все надеется проехать, – иронизировал солдат, – у нас что, проходной двор?

– А он думает, что мы если не пропустим, то сами побежим к нему на задних лапках расспрашивать, что и к чему.

– Зря надеется. Делать нам больше нечего. Никаких указаний на этот счет нам не посту- пало.

Как оказалось, приехавший был настроен весьма решительно и не собирался долго ожи- дать. С улицы слышались грузные шаги, и, скрипнув дверью, на пороге появился владелец джипа. Артур Даратол выглядел раздраженным.

– Почему не пускаете?

– Режимный объект, – лаконично ответил сержант. – Может быть, вначале стоит пред- ставиться? Вы кто такой?

– Сейчас же открывайте ворота!

– Ну да, разбежались, – хмыкнул дежурный, – может, машину помыть? И вообще, покиньте территорию немедленно. Иначе будем вынуждены применить силу.

Этот назойливый толстяк, едва появившись, начинал раздражать.

– Ну, ладно, – согласился пораженный Даратол, – не будем ссориться.

Он явно не ожидал такого холодного приема. Привыкнув к тому, что повсюду и всегда он входил без стука, коммерсант наскочил на мель, и где – в какой-то захолустной части.

– А где ваш командир?

– Майор Лавров на территории, – сообщил рядовой.

– Тогда вызовите мне его. У меня к нему срочное дело.

– Подождите, – один из дневальных отправился за Батяней.

Хлопнули двери. Даратол глубоко вздохнул, глядя в стекло на силуэт удалявшегося сол- дата. Дело оказывалось более хлопотным и долгим, чем он рассчитывал. Ожидая командира, владелец пансионата пытался разговорить десантников, угощая их дорогими сигаретами, но

разговора не получалось. Приезжий наталкивался на односложные ответы и, поняв, что здесь он ничего не добьется, прекратил бесплодные попытки, тем более что у него зазвонил телефон.

– Здравствуй, дорогой, – взяв трубку, вступил в разговор коммерсант, – да, я сейчас занят. Работа, дела... О каком отпуске может идти речь? Такая жизнь, что приходится крутиться, иначе твое место займет кто-то другой. Выгодное предложение, говоришь? Ну, ну... Я думаю, что мы можем встретиться дня через два-три. Да, звони, до встречи.

Выключив телефон, Даратол нетерпеливо пошевелился. Солдаты говорили о чем-то своем, уже не обращая особого внимания на гостя. Оставалось только ждать.

– Ну, где же ваш командир? – через десять минут недовольно протянул он.

– Подождите, майор скоро будет, – невозмутимо отвечал дневальный.

Наконец двери открылись, и на пороге показался Батяня.

– В чем тут дело? – окинул он взглядом помещение.

– Да вот, товарищ майор, вас ожидают, – указал постовой на сидевшего у окна артвинца. Тот оживился и привстал с места.

Глава 8

– Мальчики, ну когда же мы будем кушать? – капризно спросила девушка лет двадцати пяти, жгучая брюнетка эффектной наружности: – Мне уже есть хочется. Я, наверное, никогда не дождусь вашего разрекламированного обеда.

– И правда, вы нас уморите голодом, – поддержала ее подруга. – Я бы уже одна слона съела. Давайте мы сами приготовим мясо.

– Они, наверное, решили таким образом сломить наше сопротивление, когда будут к нам приставать, – шутливо высказала предположение брюнетка. – Естественно, легко завоевать ослабевших от голода красавиц. Джентльмены, называется!

– Спокойно, девчонки, мы не из тех, кто добивается расположения красавиц таким примитивным способом. Вы слишком плохо о нас думаете. А шашлык скоро будет готов, – улыбнулся мужчина, занимавшийся приготовлением.

Он доставал из упаковки кусочки мяса и, не торопясь, нанизывал их на железные прутья.

В предгорьях Артви, неподалеку от границы, царила идиллическая тишина. Посреди леса раскинулась небольшая поляна, внизу, в ущелье, журчала река. Группа русских отдыхающих, состоящая из двух бизнесменов средней руки и двух девушек из санатория «Самшитовая роща», расположилась в этом чудесном месте на «культурный отдых». Через пару минут на костре уже румянился шашлык, источавший дивные ароматы, рядом красовались несколько бутылок. Звучала гитара. Эти двое познакомились с девушками вчера и, чтобы не откладывать продолжение знакомства в долгий ящик, решили взяться за это дело с присущей им энергией. Тем более что представительницам слабого пола самим надоело каждый день купаться и ходить на дискотеки, и они с радостью согласились разнообразить досуг вылазкой в горы.

– Здесь торопиться не надо, – продолжал бизнесмен, – поспешишь – людей насмешишь. А вам доверить приготовление мяса я никак не могу – шашлык женских рук не любит.

– Что значит, не любит! – возмутилась брюнетка. – Нет, Сергей, это просто какая-то дискриминация на половой почве! Интересно, кто же это, если не мы, всю жизнь только и делаем, что готовим вам, таким неблагодарным. Я уж не говорю обо всех остальных видах домашней работы. Мужчины, видите ли, готовят! Просто смешно! Оставь мужика одного, так он будет в лучшем случае бутербродами питаться.

Сергей поглядел на Инну. Ему очень хотелось ее... дискриминировать.

– Да нет, не в этом дело, – улыбнулся он. – Просто понимаете, девочки, на кухне обычно трудятся женщины, но кушанья лучше получаются у мужчин.

– Это почему? Я не согласна, – отрицательно качнула головой очаровательная спорщица.

– Это, конечно, сложный вопрос, но вы сами поглядите: в ресторанах повар кто – мужчина, – подержал Виктор теорию коллеги.

– А кто же на кухне в доме? – резонно задала вопрос брюнетка.

– На кухне дома – согласен, – кивнул Сергей, – для женщины приготовление обеда – это рутина. Оно и понятно – изо дня в день стой у плиты, жарь, вари и так далее. Естественно, все это надоедает. А мужчина готовит редко, но метко. И поэтому, если у него, конечно, руки растут оттуда, откуда надо, то будьте готовы к тому, что у него получится нечто оригинальное.

– Шашлык, что ли? – скептически отозвалась подруга брюнетки – Оля.

– Да хотя бы и шашлык. Это вообще не такая простая вещь, как кажется некоторым. Ну, а что вы, к примеру, знаете о том же шашлыке?

– Ну, как это что? Мясо, приготовленное на огне, – пожала плечами девушка. – А что здесь такого?

– Э-э, нет! Вы подходите к этому слишком материалистично, – хитро усмехнулся Сергей. Он в свое время много поездил по миру и навидался всякого.

– В традициях приготовления мяса заложено очень многое. Ведь издавна охота имела много такого... магического. И у народов, у которых сохранились традиции с древности, можно найти немало всего такого. Вот я сам из Сибири, и там у коренного населения существует масса традиций. Вот, скажем, после удачной охоты на медведя его ведь не принимают сразу же разделывать. Там устраивается целый ритуал. У медведя, который, кстати, часто является главным тотемом племени, просят прощения...

– Как это? – смешливо фыркнула брюнетка. – Прощения? У медведя?

– Да, именно так, Инночка. Прощения – за то, что его убили. И вот в этом ритуале они обращаются к душе убитого медведя и говорят ему, что теперь он является их духом, их покровителем.

– Глупость какая! – хихикнула девушка. – Пещерный век просто какой-то.

– Ничего ты не понимаешь, – принялась спорить с ней Оля. – Неужели ты ничего не видишь, ведь это так романтично.

– Ну, не знаю, что ты в этом романтичного находишь, – пожала та плечами, – я девушка современная.

Обе девушки приехали сюда, на этот прекрасный курорт, из Петербурга, обделенного наличием теплого моря, горячего южного солнца и прочих красот, щедро предоставляемых этой благодатной землей.

Брюнетке, несмотря на симпатичную внешность, с мужчинами почему-то не везло. Она уже успела побывать замужем – естественно, по любви. Правда, через полгода выяснилось, что супруг, еще не так давно клявшийся в страстной любви до гроба, параллельно встречается еще с тремя любительницами высоких слов. Этого молодая жена вынести не смогла – брак распался. Не сразу, конечно: Инна пробовала выйти из сложной ситуации, но ничего из этого не получилось. Дальше – больше. Очередной ухажер с серьезными намерениями, хоть и занимал руководящую и денежную должность, любил выпить до потери пульса. Понимая, что если такая пагубная страсть владеет молодым человеком в самом начале знакомства, то дальше начнется совсем уж тяжелая жизнь, девушка решила с ним расстаться. И вот, оказавшись здесь, на курорте, она тоже не оставляла попыток найти себе достойную пару.

Ее подруга, напротив, могла похвастаться тем, что у нее все в полном порядке. Замужем она еще не была – в двадцать два года можно еще и погулять. Здесь она собиралась оторваться «по полной». Отдых есть отдых, и она считала, что надо прожить эти дни так, чтобы не было «мучительно больно за бесцельно прожитые дни».

– О многом можно было бы поведать, – сказал Сергей, – но не буду вас утомлять.

– Нет-нет! – замахала руками романтичная Ольга. – Это же так интересно! Тем более что вы так увлекательно рассказываете. Ну, вот, какие интересные традиции есть здесь, в Артви?

– Есть очень интересные традиции: взять хотя бы то же местное гостеприимство, о котором ходят легенды, – прищурился бизнесмен. – Гость может посетить любой дом, пускай его даже здесь и не ждали. Артвинцы чтут обычай приглашения гостей. Если мимо жилища следуют люди своей дорогой, то он выходит к ним, приветствует их традиционным «Добро пожаловать!» и просит зайти к нему. Ну, конечно, времена меняются, и теперь такое увидишь далеко не везде.

– И что, тоже какая-то фразочка существует на этот счет? – спросила Инна.

– А как же. Она звучит в переводе так: «Заверните к нам – будем хозяевами!»

– А почему оба будут хозяевами?

– Да потому что гость здесь считается всем. Во всяком случае, раньше так и было. Кстати, эти же слова, которыми начинается сложный церемониал всякого гостеприимства, произносит артвинец не только вблизи дома, но и в любом месте своего села, встретившись и приветствуя представителей другой общины.

– Ну-ну, и что же дальше, когда гостя они заарканили? – Ольга во все глаза смотрела на рассказчика.

– Да, так вот – когда так или иначе приехал гость, на которого артвинцы смотрят, как на божью благодать, считая его «приносящим семь счастья», вообще самым дорогим существом, то и стар, и млад выходят навстречу. Гость тоже действовал по определенным правилам. Слова «Счастья вам в дом» гость непременно произносит, входя в дверь. «Добро тебе видеть! Добро пожаловать!» – столь же обязательно отвечает старший в семье, а за ним и другие старшие члены семьи.

– Как все сложно, – удивлялась девушка, слушая Сергея.

– Естественно, это же Кавказ, а не Среднерусская возвышенность. И это нечто большее, чем простая форма вежливого обращения. Ибо достаточно кому-нибудь не приветствовать положенным образом встречного, чтобы не на шутку его обидеть. Женщины, обведя рукой вокруг головы гостя, как бы магически перенося на себя его недуги, целуют его в плечо, слегка прикасаясь к нему. В этом случае и мужчина, в свою очередь, также предельно легким прикосновением целует ее в голову или в лоб.

– А в губы? – заинтересованно произнесла Инна.

– А в губы – такое оскорбление даже трудно себе представить для хозяина. В прошлом артвинцы, как и некоторые другие кавказские народы, вообще не придерживались таких широко распространенных в мире обычаев, как поцелуй, приветственное обнажение головы и рукопожатие, которые только с не очень давнего времени стали все больше входить в привычку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.